The background is a painterly illustration of a city with onion domes, likely St. Petersburg, at sunset. A young boy in a green winter coat is floating in the air in the center. In the foreground, two men are sitting on a rooftop, looking at each other. The sky is a mix of warm orange and cool blue tones.

ДЛЯ ТЕХ, КТО САМ
ТВОРИТ СВОЮ СУДЬБУ

ТИББЕ ВЕЛДКАМП

Мальчик, который

ИЛЛЮСТРАЦИИ
МАРКА ЯНССЕНА

ЛЮБИЛ МИР

Тиббе Велдкамп
Мальчик, который любил мир
Серия «Лучшая новая книжка»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73877077
ООО «Издательский дом «Самокат»; 2026
ISBN 978-5-00167-832-8

Аннотация

Сколько людей должны были встретиться и полюбить друг друга, чтобы мы появились на свет!

Однажды на мосту случайно столкнулись мама и папа Адема. То есть они ещё не мама и не папа. Они ещё не знают, что у них может появиться сын. Встретились и разошлись. Но Адем очень хочет родиться. И только он может сделать так, чтобы мама и папа встретились вновь. Потому что ему очень нравится этот мир и он очень хочет в него попасть.

Содержание

I	6
II	16
III	25
IV	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Тиббе Велдкамп Мальчик, который любил мир

Tjibbe Veldkamp

De jongen die van de wereld hield

Met illustraties van Mark Janssen

Amsterdam · Antwerpen

Em. Querido's Uitgeverij

2023

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Книга издана при поддержке Нидерландского литературного фонда

Nederlands **l**etterenfonds **d**utch foundation **f**or literature

Серия «Лучшая новая книжка»

Иллюстрации Марка Янсена

Copyright text © 2023 by Tjibbe Veldkamp

Copyright illustrations © 2023 by Mark Janssen

Original title De jongen die van de wereld hield

First published in 2023 by Em. Querido's Uitgeverij,

Amsterdam

© Михайлова И.М., перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2026

* * *

I

В тот день, когда Адем появился на свет, шёл снег. Одни снежинки падали в воду Набера, реки, разделяющей Познау на две половины. Другие садились на каменный мост.

По мосту быстрым шагом шёл молодой человек, засунув руки в карманы лёгкого пальто, задумавшись. Навстречу ему двигалась женщина в пальто с поднятым воротником. В тот самый миг, когда они оказались рядом, мужчина внезапно очнулся от своих мыслей и тут же поскользнулся на снегу. Пытаясь сохранить равновесие, ухватился за женщину, и они вместе упали на тротуар. Так они и лежали рядом, Вацлав и Зденка, держась друг за друга, и лица их почти соприкасались, так что дыхание, слетавшее с губ одного из них, согревало губы другого.

Вот в это-то мгновение рядом с ними и появился возможный ребёнок.

С виду ему было лет одиннадцать-двенадцать. Самый обыкновенный мальчишка, каких часто видишь идущими в школу в старых башмаках, в серенькой зимней курточке.

Только этот мальчик не шёл, а парил в воздухе.

Он не сразу сообразил, что теперь существует. Так глаза какое-то время привыкают к свету, если резко отдёрнуть занавеску. Но мальчик не удивился. Он увидел у своих ног мужчину и женщину и тотчас их полюбил. Увидел снег на

мосту, танцующие в воздухе снежинки, огни города по берегам реки – и полюбил мир.

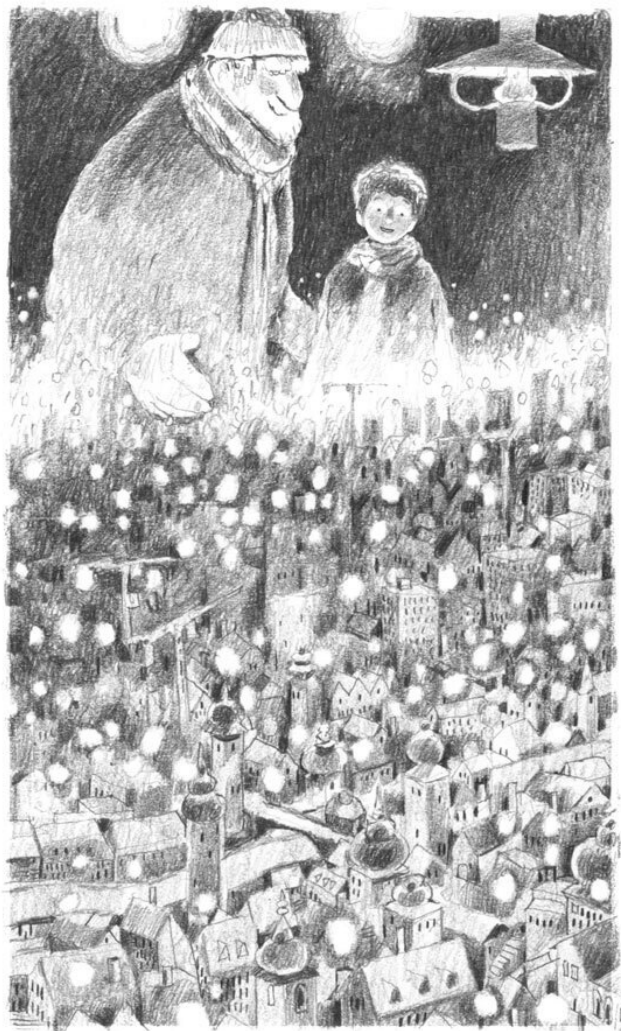
Возможный мальчик подставил руку под снежинку, но снежинки падали сквозь его ладонь.

– Привыкай, дружище! – услышал он чей-то голос. – Вот так вот здесь всё устроено.

Мальчик обернулся. Позади него парил огромный дядька в вязаной шкиперской шапке. Моряк протянул мальчику руку. Тот пожал её: это прикосновение он ощутил реально.

– Это твои родители, – сказал моряк, кивнув в сторону мужчины и женщины на снегу. – Я как увидел твой огонёк, так сразу на всех парусах сюда. Меня зовут Барк, а тебя мы назовём... – Моряк огляделся вокруг. – Хлад? Ивер? Сноу? Нет... давай-ка ты будешь Адем¹. Что я тебе скажу, Адем. Разрази меня гром! Не спешат твои родители швартоваться...

¹ Придумывая имя для мальчика, Барк перебирает слова на чешском, французском и английском, связанные с обстоятельствами его появления, и в итоге останавливается на голландском слове, которое значит «дыхание» и созвучно имени первого человека.

Мальчик – мы тоже будем называть его Адем – видел, как лица мужчины и женщины сблизились ещё больше. Их губы соприкоснулись. Значит, вот кто мои родители, подумал Адем. Он чувствовал, что это логично.

– Триста акул в глотку! – проворчал Барк, отворачиваясь. – Тут ещё ждать и ждать. Пошли!

– Но я же должен быть с ними? – спросил Адем.

– Да, я приведу тебя обратно. Но мне надо кое-что проверить и, пожалуй, тебе объяснить. Так что полный вперёд!

Моряк схватил Адема обеими руками и взлетел с ним в небо. Мальчик не сопротивлялся. Родители его становились всё меньше и меньше, пока не превратились в две тёмные точки на белой полоске моста.

Адем смотрел во все глаза. Вокруг было столько интересного! Они с Барком пролетали над портом с причалами, портовыми кранами и кораблями, над заснеженными крышами высоких зданий и над широкими улицами с машинами на проезжей части и человечками на тротуарах. Он про всё это уже знал и знал, как что называется, – но видел-то впервые! Мир был прекрасен и удивителен, вне всяких сомнений: столько мест, где надо побывать, столько всего, что надо повидать, столько людей, с которыми надо познакомиться! И где-то в этом мире ходили – или лежали – его родители!

«Какое счастье, что я существую!» – думал мальчик.

Они летели вдоль Набере, пока город не остался позади.

Затем опустили на старую верфь – заброшенную территорию, где там и сям темнели на снегу вытасканные из воды корабли. Большинство лежало на боку, некоторые выглядели совершенно целыми, а некоторые – уже совершенно непригодными.

Барк сбавил скорость. Медленно подлетел к небольшому, сильно накренившемуся шкату. Один из люков на палубе был открыт. Барк с Адемом влетели в этот люк, медленно спустились вниз вдоль трапа и всплыли по воздуху в каюту. Морьяк отпустил Адема, всматриваясь в огромный макет, занимавший почти все пространство. Мальчик узнал портовые краны, дома, реку: это был город, над которым они только что пролетели. А над городом светились огоньки: все они пританцовывали, но при этом оставались на одном и том же месте, точно буйки, качающиеся на волнах.

Огромным указательным пальцем Барк принялся тыкать во все огоньки по очереди.

– Что ты делаешь? – спросил Адем.

– Помолчи-ка!

Барк снова нацелился пальцем в огоньки.

Адем осмотрелся. Кроме макета, в каюте почти ничего не было. Малюсенькая кухонька у обитой вагонкой переборки. На полу упавшая бутылка с воткнутой в горлышко свечой.

– Давай ещё летаем! – сказал Адем. – Мне хочется побольше увидеть!

– Сто сорок один, – пробормотал Барк, не сводя глаз с

макета. – Потому что Радость исчезла.

– Какая радость?

– Радость – это имя, так зовут одну девочку. Каждый огонёк – это ребёнок, который может родиться, точно такой же, как ты. А нет огонька – значит, не получилось ребёнка. Видать, её родители разругались. Каждое море штормит по-своему.

Барк подлетел к свече на полу, встал на колени и сложил руки так, как будто её держит.

– Это надо сделать хорошо, давай-ка вместе со мной!

Адем опустился на колени рядом с Барком.

Тот прокашлялся:

– Милая Радость... ты тут была. А теперь тебя нет. Ты была хорошая девочка. Прощай!

Он немного помолчал, а потом сделал вид, будто задувает свечу, которая и так не горела. Затем поднялся на ноги и снова принялся изучать макет.

– А это плохо, что её теперь нет? – спросил Адем.

Барк пожал широкими плечами.

– Это значит, что она не будет жить. Это плохо?

И тогда Адем понял, как всё устроено.

– Значит, я буду жить? И стану таким же, как мои родители? И смогу держать в руке снег?

Барк улыбнулся.

– Тебе так не терпится?

У Адема крутилось в голове столько мыслей, что он не

ответил. Он – возможный ребёнок. Но скоро станет настоящим. И будет жить по-настоящему.

– Не разевай варежку раньше времени! – сказал Барк. – Жизнь не всегда такое уж счастье. В море брызг не миновать! Вон, видишь свой огонёк?

Адем провёл пальцем вдоль реки, от города до верфи. Над верфью светился огонёк. Один-единственный. Это был его огонёк.

– А у тебя огонька, что ли, нет?

– Я уже прожил свою жизнь, – ответил Барк. – И ещё одна мне ни к чему, триста акул в глотку!

– Я бы хотел прожить десять жизней. – Адем задумался. – А мои родители не поссорятся?

– Думаю, нет, – сказал Барк. – Я так понимаю, ты появился из первого же взгляда, что они бросили друг на друга. Мда, они столкнулись, как корабли в море! Большинство родителей знают друг друга намного дольше, прежде чем...

Барк не закончил фразу. Он смотрел то на Адема, то на его огонёк, то опять на Адема. Мальчик понял, почему моряк забеспокоился. Огонёк вдруг утратил яркость. А сам Адем вдруг почувствовал себя иначе, чем до сих пор. Он почувствовал себя одиноким.

Ни слова не говоря, Барк снова обхватил Адема и потянул за собой, но не по лесенке и не через люк, а прямо сквозь доски. Они взмыли в небо и помчались обратно, вдоль реки. И вскоре опустились на том же мосту.

Мужчины и женщины тут уже не было. Там, где они недавно лежали, снег остался примят. Чуть дальше трепыхался на ветру листок бумаги, почти незаметный на фоне белого снега. Барк выпустил Адема из рук и почти лёг на снег, читая, что там написано.

Завтра, в то же время, на том же месте, новый поцелуй...

Вацлав

Адем сел на землю.

– Не понимаю, что такое. Я плохо себя чувствую...

Барк присел рядом с ним на корточки.

– Думаю, твоя мать потеряла эту записку, – тихонько сказал он. – Возможно, даже не прочитала. И продолжила плавание по морю жизни... без твоего отца.

Теперь Адем чувствовал себя не просто одиноким, а всеми-всеми брошенным. Никому не нужным. Никто на белом свете его не любил.

– Но они же меня ещё родят?

Барк покачал головой.

Адем чувствовал, что всё больше слабеет, но старался не обращать на это внимания.

– Но как же иначе! Я хочу жить!

– Мне очень жаль, – заговорил Барк.

– Помоги мне!

– Ладно... хотя нет, – сказал Барк. – Не буду. К добру это обычно не приводит.

– Но на этот раз приведёт!

Адем чувствовал себя уже таким слабым и несчастным, что хотелось лечь и больше ни о чем не думать, ничего не делать. Но он видел вокруг себя снег и так мечтал его потрогать... Мальчик схватил Барка, всё ещё сидевшего рядом, за куртку. Приблизил своё лицо к лицу моряка.

– Помоги мне, я так хочу жить!

Барк заглянул мальчику в глаза. Правильнее было бы не помогать ему. Потому что помощь всегда ведёт к неприятностям, к одним только неприятностям, подобно тому, как якорь всегда цепляется за дно. С другой стороны, мальчик ведь уже появился, после первого взгляда. А такое случается нечасто. Может, и стоит попытаться.... Бывает, что и кит летает...

И тут Барк засуетился. Стал поспешно выворачивать карманы, вытащил измятый носовой платок, обрывок каната, завязанного узлом, потрёпанную колоду карт – всё тут же попадало на снег. А потом он достал песочные часы. Адем уже распластался на снегу.

Барк взял мальчика за подбородок и пристально посмотрел на него:

– Слушай внимательно! Я дам тебе авансом день-другой жизни. Ты должен успеть одно: отдать эту записку своей матери. Может, всё ещё и уладится. У тебя столько времени, сколько пересыпается песок в этих часах. И ни минутой больше! Ну, попутного ветра!

От слабости Адем ничего не ответил – только кивнул.

Барк перевернул песочные часы и положил их мальчику в карман пальто. Затем набрал побольше воздуха и вдохнул жизнь в возможного ребёнка.

II

В первые мгновения жизни Адему казалось, что его валит с ног вихрь ощущений: в него проникали звуки, запахи, картинки, вкусы, прикосновения, и всё это разом, и всё вперемешку.

Но минуто спустя буря в теле немного стихла. Мальчик стал лучше различать впечатления. Он лежал на спине и видел, как на него падают снежинки. Слышал крики чаек. Чувствовал гниловатый запах – может, отдохлой рыбы? На губах солоноватый вкус. И ещё – холод: мороз покусывал щёки, уши, руки и забирался в лёгкие.

Адем сел и попытался набрать горсть снега, который на этот раз не прошёл сквозь пальцы. Мальчик сжал в ладони комок, откусил от него, остатками растёр лицо: холодно и так приятно! Всё изумительно! Жизнь чудесна!

Тем временем Барк в смятении смотрел на мальчика.

– Что ты делаешь, олух палубный? – воскликнул он. – Не теряй времени! Лови записку! Минута промедления – и ты никогда не найдёшь свою мать!

Смысла в его словах не было никакого, и Барк это знал. Ведь живущие не слышат, что говорят духи.

– Ну, чего ты тянешь кота за хвост, акулу тебе в глотку! – орал Барк, не в силах сдержаться. – Хватай записку! Её же

сейчас ветром унесёт!

Ветер словно послушался Барка. Воздушная струя подхватила записку и чуть не скинула её с моста, но прежде чем листок полетел вниз, в воду, его прижало к парапету. Повисев так пару секунд, он опустился и затанцевал на снегу. Порывы ветра, один за другим, поднимали записку в воздух и прижимали её к камню, а потом она снова падала вниз.

Адем же развлекался в своё удовольствие. Оказалось, что по снегу можно кататься. Он разбежался, а потом скользил на ногах как можно дольше. И радовался всему, что чувствовал: холоду, от которого дрожал, ветру, растрепавшему ему волосы, даже боли в руке после падения.

А записку он вообще не замечал. Даже когда сильный порыв ветра утянул её высоко-высоко, намного выше парашюта.

Зато Барк видел всё. Видел, как листок взмыл в небо и как он кружился, вился, кувырчался, опускаясь ниже и ниже, к самой воде. Ниже и ниже, пока не исчез из поля зрения.

Старый моряк со стоном закрыл лицо руками. Он с самого начала не верил, что от полученного мальчиком аванса будет прок. Но чтоб вот так, в первые же минуты отправить свою жизнь псу под хвост, на съедение моллюскам – такого он не ожидал. Парнишка даже не попытался отдать эту записку своей маме! Сколько-то он ещё поживёт. Но потом ему конец. Без записки не будет встречи. Без встречи не родится ребёнок.

Барк не заметил, что над самой поверхностью воды листок

опять взмыл вверх, подхваченный новым порывом, до самого неба, а потом ветер позволил записке опуститься и швырнул её прямо в лицо Адему. Как раз когда мальчик в очередной раз катился на ногах по снегу.

Остановившись, Адем снял белый листок с лица.

Где-то я уже видел что-то похожее, подумал он.

И вдруг вспомнил, словно на миг попал в недавний сон. Вспомнил ощущение одиночества. Услышал голос Барка: «Я дам тебе авансом день-другой жизни. Ты должен успеть одно: отдать эту записку своей матери».

Моряка он сейчас не видел. Но это не значит, что его там не было. Ведь тогда, при первой встрече здесь, на мосту, родители Адема тоже не замечали ни Барка, ни своего возможного сына, даже когда те разговаривали совсем рядом.

– Барк! – Мальчик покрутился на месте. – Спасибо!

Адем огляделся. Маму он тоже не видел, но она наверняка где-то была. От того места, где снег был сильно примят, тянулись два следа. Шли в две стороны – к одному и к другому берегу. По какому пойти?

Он выбрал тот, что с шагами поменьше. И побежал, зажав записку в руке. То и дело подпрыгивал, хватал ртом снежинки, но со следа не сбивался, потому что отпечатки ботинок были хорошо видны.

Барк увидел, как мальчик бежит по мосту с запиской в руке. И сначала онемел от удивления. Как она к нему попала? Но, гром и молнии, записка на месте! Если паренёк ещё и

сумеет найти маму, то всё будет в ажуре!

И моряк полетел за Адемом.

Пробежав мост до конца, мальчик остановился. След, до сих пор такой отчётливый, здесь терялся среди множества других. Адем повертел головой. Он стоял на пересечении дорог. Слева и справа от него – освещённая фонарями пешеходная набережная. За спиной мост. А впереди – аллея, ведущая через небольшой парк. Извилистые ветки голых деревьев расчертили небо.

На самом деле мальчику сейчас не так уж и хотелось искать маму. Он выяснил, что, если несколько раз проехаться на ногах по одному и тому же месту, снег начинает утрамбовываться и скользить легче. Так можно раскатать себе идеальный каточек! А маму он поищет потом. Адем сунул записку в карман, и в руку ему ткнулось что-то твёрдое.

Мальчик вытащил из кармана песочные часы. Внимательно их рассмотрел: две стеклянные ёмкости, соединённые узкой горловиной. Одна колба прозрачная, другая – такая тёмная, что сквозь неё ничего не видно. Из светлой в тёмную текли серебристые песчинки.

«У тебя столько времени, сколько пересыпается песок в этих часах! – вспомнил он слова Барка. – И ни минутой больше!»

Адем перевернул часы вверх ногами. Песчинки посыпались снизу вверх. Он перевернул часы обратно. Песчинки

так же поползли сверху вниз. Всё ясно: что ни делай, отсчёт времени не прекращается. Сколько часов и минут осталось? Трудно понять. Сейчас прозрачная колба пока полная, но рано или поздно она опустеет.

«И ни минутой больше».

Адем не представлял себе, что это значит, потому что сейчас был полон жизни. Но его охватило беспокойство. Возможно, передать записку маме – дело серьёзное. Наверное, лучше поскорее её найти.

Сунув песочные часы в карман, мальчик побежал через парк. Он приложил руку ко лбу козырьком, чтобы защититься от снежинок, снова танцевавших вокруг него, куда бы он ни смотрел.

Адем обгонял людей, шагающих по дорожке. Все были тепло одеты, все в перчатках, шапках и шарфах. Уже темнело, но фонари вдоль дорожки светили достаточно ярко, чтобы увидеть: мамино пальто здесь нет. Мамино пальто – синее с чёрным воротником. Это он хорошо запомнил. А что, если Адем идёт совсем не в ту сторону? Что, если он, наоборот, только отдаляется от мамы? Что, если ему её не отыскать? Нет, не может такого быть. Он обязательно её найдет!

Там, где кончался парк, начиналась улица Янкова – широкая торговая улица. Адем остановился. Он с трудом переводил дух. По обе стороны приглашающе сверкали витрины: «Заходите за покупками!» Вывески с красивыми яркими буквами громко кричали: «Заходите поесть!» По мосто-

вой пронеслись автомобили с работающими дворниками. Адем не стал долго размышлять и наудачу побежал по улице просто вперёд.

Здесь проходило намного больше народу, чем в парке, — ко всем пальто не присмотришься. Пальто было слишком много и становилось всё больше и больше. Противный голосок в голове нашёптывал, что Адем уже давно взял не то направление и что город постарался маму припрятать и теперь смеётся над ним. Так что сколько ни бегай, говорил голосок, сколько ни ищи, до последней песчинки у тебя в часах, ты её всё равно не найдёшь. Не лучше ли махнуть на это дело рукой?

Адем не стал слушать голосок. Надо искать маму! Ни о чём другом не может быть и речи! Он прижимался лицом к окнам кофеен и ресторанов, надеясь увидеть её внутри. И бежал всё дальше и дальше, всматриваясь во все пальто, — пока не увидел то самое. Синее пальто с чёрным воротником.

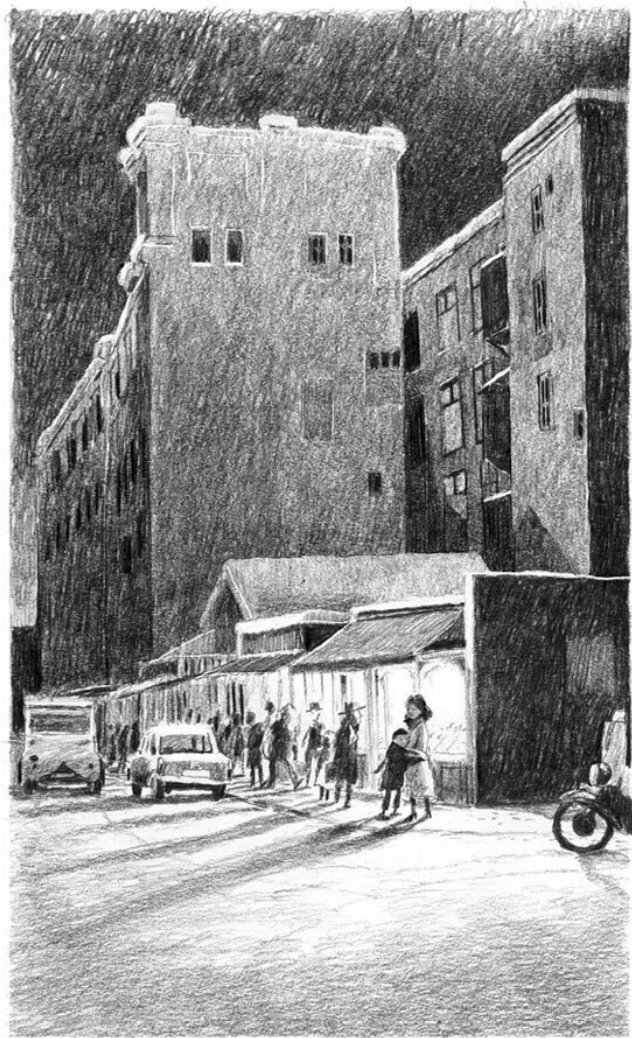
Мама стояла перед витриной ювелирного магазина, под козырьком, лицо её озарялось золотистым светом витрины. Точно так же, как при первой встрече, когда Адем только-только появился, он почувствовал, что тесно связан с этой женщиной.

Мальчик медленно подошёл к ней. Сердце готово было выскочить из груди — не от волнения, а оттого, что он так быстро бежал. Волнения он не чувствовал. Только радость. Наверняка мама тоже знает, что они друг с другом тесно свя-

заны.

– Мама!

Она повернула голову, чтобы посмотреть, кто это сказал. Адем так любил её лицо, её темные глаза, её осторожную улыбку и прядку на лбу. Он невольно сделал шаг ей навстречу и обнял там, где был пояс. Прижался головой к её пальто. Ткань была холодная, мокрая и мягкая.

Мама высвободилась из его объятия и, отстранившись на длину руки, посмотрела ему в глаза, всё с той же улыбкой.

– Как ты сказал?

– Мама.

– Но я тебе не мама.

«Значит, она пока что ни о чём не знает, – подумал Адем. – Но это и понятно».

– Да, действительно, – сказал он. – Ты ещё мне не мама...

Мальчик вытащил из кармана записку и торжественно протянул её.

– ...но ты можешь стать моей мамой!

III

Мама прочитала записку и удивлённо приподняла брови. Затем скомкала её и сунула в карман пальто.

Протянула Адему руку:

– Меня зовут Зденка.

Адем пожал ей руку, и это было очень приятно, но и немного странно: можно подумать, будто они чужие друг другу люди.

– Меня зовут Адем, – сказал мальчик, – но это моё временное имя. Насколько я знаю, потом вы с папой сможете назвать меня как угодно.

– Объясни-ка мне, – попросила Зденка, – как это я могу стать твоей мамой?

– Так вот, – начал Адем. – Я вдруг появился, когда вы оба упали на снег. Появился как возможный ребёнок. Вы создали меня одним только взглядом, а это бывает очень редко. Но потом ты выронила записку, так что я уже не мог родиться, а потом мне дали несколько часов жизни авансом, чтобы я отдал тебе записку, а я совсем не знал, в какую сторону идти, и пошёл наугад. А теперь записка у тебя, и ты можешь снова встретиться с моим папой и стать моей мамой.

– Значит, ты хочешь, чтобы я встретилась с твоим папой? – спросила она.

Адем кивнул.

– И тогда ты станешь моим сыном?

Адем снова кивнул.

– Скажи-ка мне честно: вы надеетесь заработать на этом денег?

Адем рассмеялся: какой смешной вопрос! Заработать денег? При чём здесь деньги?

– Нет-нет, речь только обо мне! – воскликнул он и постукал себя по груди. – Это я сам хочу жить!

Зденка вытянула руку, так что из-под рукава пальто показались маленькие часики. Быстро взглянула на них.

– У меня есть ещё немного времени, – сказала она. – Ну что, пошли к твоему папе?

Адем радостно кивнул. Папу он тоже очень-очень хотел увидеть. Ведь тогда они впервые в жизни будут втроём. Они будут семьёй.

– Доберёмся пешком или поедем на машине? – спросила Зденка.

– На машине!

– Ладно, идём за машиной!

Они вышли из-под козырька. Адем взял маму за руку, тёплую и нежную. Зденка бросила на него немного косой взгляд, хотела было высвободиться, но не стала этого делать. Так они и шли по улице. Рука в руке, на встречу с папой, а вокруг танцевали снежинки.

Адем чувствовал себя самым счастливым мальчиком на

свете.

Янкова улица вела к каналу, по обеим берегам которого стояли богатые старинные дома. Через несколько минут они поднялись по ступенькам очень солидного здания с вывеской «Полиция». Зденка открыла тяжёлую дверь, украшенную узорчатой решёткой, но Адем остановился снаружи. Положил руку на каменную балюстраду – холодную и совершенно гладкую. Посмотрел на маму.

– Оставайся здесь и не скучай, – улынулась ему Зденка. – Я сейчас вернусь.

Она вошла в здание, а мальчик забрался на балюстраду и прижался животом к мрамору. А потом скатился по мраморным перилам вниз. Ощущение было совсем другое, чем когда скользишь по снегу: сейчас у него что-то ёкнуло в животе. Адем не понял, приятно это или нет. Но снова взбежал по ступеням и снова скатился. И ещё раз. И тут из дверей появилась Зденка.

Рядом со зданием полиции, на парковке, стояли в ряд три одинаковые полицейские машины. Зденка открыла переднюю дверцу у средней из них. Адем забрался на сиденье. Зденка обошла машину и села рядом с ним.

– Ты работаешь в полиции? – спросил мальчик.

– В общем, да. Я следователь. Расследую сложные дела.

– Какие дела?

– Самые разные. Например, если кто-то что-нибудь украл. Или если какой-нибудь человек потерялся и надо его найти. Ну и случаями мошенничества тоже занимаюсь. Так, и куда же мы поедем?

– К папе, конечно.

– А где он живёт?

– Не знаю.

Адем прислонился к спинке и почувствовал себя легко и приятно. Сиденье было такое удобное!

Мама покачала головой и стряхнула снег со своих длинных, тёмных, чуть выющихся волос. Адему они казались такими красивыми – вообще-то она вся казалась ему такой красивой. Это же его мама!

– Не хочешь говорить? – спросила мама. – Может, поедем к кому-нибудь другому? Да?

– Я знаю только тебя и Барка, а Барк – он, по-моему, дух, – сказал Адем. – Во всяком случае, для нас он сейчас невидим. И где он живёт, я тоже не знаю.

– Послушай, Адем. Если ты мне не назовёшь адрес твоего отца – или того, к кому ты хочешь отправиться, – то я не знаю, куда тебя отвезти.

– Но ты же следователь! – воскликнул Адем. Как он понял, мама может выяснить то, чего никто не знает.

Зденка вздохнула и завела мотор. Спокойно поехала вдоль канала.

Адему очень нравилось в машине. В окошко он видел

столько интересного: зелёный сигнал светофора, красный сигнал светофора, автомобильные фары и в их свете – падающий снег, пешеходов, закутавшихся в тёплые пальто... И при этом они с мамой сидели в уютном домике, без ветра и снега.

Через несколько минут они остановились, и это сначала огорчило Адема, – но потом он подумал, что они, наверное, уже доехали до папиного дома. Он попытался открыть дверцу, но не знал, как это делается. Мама вышла из машины, обошла её и открыла дверцу с его стороны. Адем вылез наружу и огляделся. Улица была безлюдная: ни магазинов, ни ресторанов, только серые многоэтажные дома, и ни души не видно.

– Идём!

Он взял маму за руку и пошёл с ней к одной из парадных, с облезлой дверью. Зденка открыла: за дверью оказалась большая комната. На потолке тихонько шипела и слабо помигивала лампа дневного света. У стены стояли два деревянных стула. Ещё здесь было что-то вроде прилавка, за которым никто не стоял. Зденка нажала на кнопку, и раздался звонок.

– Папа здесь? – спросил Адем.

– Не думаю, – ответила Зденка. – Это приют. Переночуешь тут сегодня, если хочешь.

– И ты со мной тоже?

– Нет.

Адем в недоумении посмотрел на маму. Он не понимал.

Она что, собирается его здесь оставить?

– А как иначе? – спросила Зденка.

– Ты должна остаться со мной!

– С какой стати? И без того нелепо, что я тебя сюда доставила. Ладно: последняя попытка. Если ты мне сейчас расскажешь, где живёт твой папа, то я отвезу тебя к нему.

– Но я же не знаю! – воскликнул Адем. – Я видел его один раз в жизни. Я ведь уже объяснял! Я вдруг появился, когда вы с ним на снегу...

– Да, объяснял! – прервала его мама. – Одного не понимаю. Если кто-то хочет развести меня на деньги, зачем выдумывать такую дикую историю? Ей же никто не поверит!

– Но это правда! Я говорю правду! Честное слово!

– Знаешь что, на тебя я не сержусь. А вот на твоего отца очень даже!

В наступившей после её слов тишине мама несколько раз нетерпеливо нажала на звонок. Вскоре за прилавком показалась растрёпанная женщина. Она пробормотала что-то сердитое, но Адем не разобрал, что именно.

– Добрый вечер, – сказала Зденка. – Найдётся ли у вас место на сегодняшнюю ночь для этого мальчика?

Адем надеялся, что такая сердитая женщина обязательно их прогонит. Но она указала за спину – на доску, где мелом были написаны слова и цифры. Расценки за ночь и за неделю. Стоимость пользования полотенцем, а также мылом.

– Оплата вперёд, – заявила женщина.

Зденка достала кошелёк, ещё раз взглянула на доску с цифрами, положила на прилавок деньги.

– Завтра утром он захочет есть, – заметила женщина.

Зденка вынула из кошелька несколько монет и сунула их Адему в карман. И бумажных денег тоже сунула.

Адем стоял молча, в отчаянии. Пытался придумать, почему она не должна его тут оставлять, но напрасно. Он уже рассказал ей всю правду. Но это не помогло. Он искал её взгляд.

– Мама...

Она наклонилась к его лицу и пристально посмотрела ему в глаза, как будто хотела что-то в них прочесть. Он открыл глаза как можно шире, чтобы она увидела как можно больше, ведь у него не было от неё тайн.

– Не знаю, что ты себе вообразил, – сказала мама. – Но я не твоя мама. И не хочу быть твоей мамой. Я абсолютно самостоятельный человек, и для счастья мне вовсе не нужен ребёнок. И от твоего отца я не хочу никакого ребёнка. Так ему и скажи, когда его снова увидишь.

У Адема навернулись на глаза слёзы.

– Но вы должны меня сделать, – прошептал он. – Вы уже живёте, а я ещё нет, я ещё не живу по-настоящему. А я хочу жить! Я хочу ездить с тобой в машине, и кататься по снегу, и делать много всего, чего ещё никогда не делал.

Он уже не мог сдержать слёзы, обхватил маму за пальто и прижался к ней.

Адем почувствовал, как кто-то тянет его, взяв за запястья. Попытался сопротивляться, но сил не хватало. Его крепко держала та самая сердитая работница приюта, успевшая выйти из-за прилавка. Она грубо завела ему руки за спину. Адем пытался поймать мамин взгляд, но она отводила глаза. Сунула руку в карман, нашла там ещё монетку и положила на прилавок.

– Вам за труды, – сказала она сухо.

И, не посмотрев на Адема, вышла из комнаты.

Работница приюта немного подождала и только потом отпустила мальчика. Затем, что-то бормоча, обошла прилавок и скрылась там же, откуда пришла.

Адем стоял один в большой комнате, его руки повисли как плети. Он пытался понять, что же произошло. Его мама не хочет стать его мамой. Сама так сказала. И ушла. Он видел это своими глазами. Но как же так? Неужели она не чувствовала, что они должны быть вместе?

Зденка Закарова уже давно села в машину. И захлопнула за собой дверцу.

Она уже больше двух лет работала в полиции. И любила свою работу. Почти каждое её расследование было настоящей головоломкой, а головоломки она тоже любила. И не переставала удивляться, с какой изобретательностью люди нарушают закон. Когда мальчик назвал её мамой, она надеялась услышать что-то необыкновенное. Такую историю, на

которую попался бы даже самый недоверчивый человек – только не она, разумеется. Но не тут-то было! Паренёк нёс какую-то чушь. Возможно, здесь и крылась причина её раздражения?

Нет...

Не надо было брать его с собой. Не надо было тратить на него свободное время. Но и не это задевало её за живое.

Если что и не давало покоя, так это мысль о мужчине на мосту. Она его поцеловала. И вот, в благодарность он подослал к ней этого мальчика? Парнишка отлично играл свою роль, в этом ему не откажешь. Но рассказанная им история... Смех на палочке! Неужели тот мужчина думал, что она попадётся? Неужели считал её такой дурой?

Зденке хотелось громко-громко посигналить. Хороший гудок, наверное, принесёт какое-то облегчение. Но тем самым она распишетя в своём непрофессионализме. Так что лучше не шуметь.

Зденка нажала на гудок. Резкий звук разнёсся по пустынным улицам.

Но это не помогло.

Пожалуй, неприятнее всего – то, что она всё равно чувствовала вину перед мальчиком, оставленным в приюте. Ему лет одиннадцать-двенадцать, но он настоящий ребёнок. С каким восторгом он смотрел из окна машины. Как сиял, когда съезжал по перилам у входа в здание полиции. А приют далеко не лучшее место даже для взрослых, не говоря уже о

мальчишке его возраста.

Может быть, она поступила плохо?

Да нет, всё в порядке, убеждала себя Зденка. Мальчик сам виноват. Мог бы рассказать мне правду. А он что? Врал и не краснел.

Зденка доехала до конца улицы, вернулась к зданию полиции. Оставила машину на парковке, пешком дошла до дома. Хотя до дня рождения было ещё далеко, по дороге купила увлекательную книжку, чтобы почитать перед сном, и под интересную передачу по радио приготовила себе вкусный ужин из нескольких блюд. Но как она ни старалась отвлечься, неприятное чувство не проходило.

IV

Многие люди помнят тот первый раз, когда им нанесли душевную рану. Ведь первый удар показался им самым тяжелым. Потому что они никак его не ожидали. Потому что даже не попытались от него защититься. Потому что у них и мысли не было, что кто-то хочет причинить им боль.

Такое случилось и с Адемом. Он сидел на деревянном стуле. Сидел уже долго – сколько именно, он не знал. Время от времени лампа дневного света гасла и всё помещение погружалось в темноту. За дверьми с матовыми стёклами, справа от него, горел обычный светильник, только слишком слабый: его света не хватало на комнату, где сидел Адем. Но темно вокруг было не больше нескольких секунд. Лампа дневного света вскоре опять включалась.

Вот как вышло. А ведь с самого начала Адем думал, что надо всего-навсего отдать записку маме. И тогда всё будет в порядке. Но не тут-то было. Зденка не хочет становиться его мамой. И он не будет жить. Неизвестно, что огорчает его сильнее: первое или второе.

Он несколько раз доставал из кармана песочные часы. Видел, что времени пока достаточно. Но зачем ему это время? Он всё равно не сумеет уговорить Зденку.

– Барк! – позвал Адем, оглядываясь. Он не мог видеть мо-

ряка, хотя тот стоял прямо у него перед носом. – Я же отдал ей записку! Но она не хочет сына. Так что спасибочки!

Адем помнил, что Барк не хотел давать ему аванса. Помнил, как пришлось упрашивать. Но ему хотелось обвинить в своей неудаче кого-нибудь другого, а не себя. Хотел сердиться на кого-то, а не чувствовать себя несчастным.

Так что он изо всех сил старался не думать о том, чего он теперь уже никогда не сможет сделать, оттого что не будет жить. Потому что от таких мыслей к горлу подкатывал комок и дышать не получалось.

Время от времени дверь на улицу, слева от Адема, открывалась. В помещение проникало облако холодного воздуха, и следом за облаком входил какой-нибудь человек, топал мимо и исчезал за дверью с матовым стеклом справа.

Мальчик примерно того же возраста, что и Адем, уже дойдя до двери со стеклом, остановился, обернулся и подошёл к стульям. Сел с ним рядом и положил руку ему на плечо.

– Правило номер один: скоро станет легче, – сказал незнакомец. – Ещё немного, и ты подумаешь: я что, был в тупике? Так где же этот тупик? Не вижу!

Парнишка изобразил на лице удивление, как будто и правда рассчитывал увидеть возле себя какой-то тупик.

– Меня зовут Феликс. Так в чём состоит правило номер один?

Адем смотрел перед собой. Отвечать было неохота.

– Отлично! – похвалил Феликс, как будто Адем дал верный ответ. – Уже становится получше, я вижу! Ты здесь первый раз?

Адем посмотрел на Феликса и кивнул. У нового знакомого было круглое лицо и чёрные как смоль волосы.

– Спальное место ты себе уже нашёл? – спросил он.

Адем пожал плечами.

– Правило номер один: найти себе кровать! Надо спешить! Вперёд!

Он взял Адема за руку и потянул его вверх, поднимая со стула.

Адем не сопротивлялся и следом за Феликсом прошёл через дверь с матовым стеклом в ярко освещённый коридор.

На ходу Феликс говорил и говорил:

– Думаю, мы не опоздали. Наверное, в малой спальне ещё отыщется местечко. Там получше – меньше народу храпит, понял? Что храпят громко – это полбеды, но от храпа иногда все кровати так трясутся, что того и гляди свалишься: плюх на пол! А это совсем ни к чему. Нам вот в эту дверь, заходим!

Держась за Феликсом, Адем шагнул в небольшую квадратную комнату без окон. Люминесцентная лампа под потолком работала поувереннее, чем в помещении при входе, её блёклый свет ложился на стены и мебель. По всему периметру комнаты стояли двухэтажные кровати.

– Привет, Людо, привет, Влад! – воскликнул Феликс.

На двух верхних местах кто-то уже лежал.

– Как успехи? Как порыбачили? Хороший клёв?

Людо с Владом не реагировали. Но Феликс, видимо, дру-гого и не ждал, потому что тут же обратился к Адему:

– Нам, считай, повезло! Да и тебе тоже! Может, это начало целой недели везения! А то и целого месяца! Я же говорил, Правило номер один: скоро станет легче! Советую располо-житься вот здесь!

Феликс похлопал рукой по одному из верхних спальных мест.

– Наверху теплее. А я устроюсь под тобой, только на эту ночь, в виде исключения. Хорошо, когда под тобой спит че-ловек, которому можно доверять! Вот здесь подушки с оде-ялами. – Феликс вытащил из-под кровати бельевой ящик и положил по подушке и по одеялу на матрасы – свой и Аде-ма. – Вот так, теперь все будут знать, что места заняты. За-лезай наверх!

Адем вскарабкался по деревянной лестнице и сел рядом с Феликсом на верхней постели. Его новый друг, ловко под-тянувшись, уже взобрался туда раньше него и теперь сидел, болтая ногами.

Вдруг в животе у Адема заурчало.

– Правило номер один: всегда прислушивайся к своему желудку, – сказал Феликс. – Твой желудок – твой друг. Во-прос такой: есть ли у тебя чем перекусить?

– Нету, – ответил Адем. – Но у меня есть...

Он сунул руку в карман куртки, куда Зденка положила мо-

нетки и бумажку. Но не успел он их вытащить, как Феликс схватил его за запястье и с грозным видом замотал головой.

Адем не понял, в чём дело.

– Пошли отсюда! – велел Феликс.

Только после этих слов он отпустил руку Адема и спрыгнул на пол.

Адем последовал за ним, через коридор и через помещение с неисправным дневным светом на улицу. Всё это время Феликс молчал – странно, ведь до сих пор он не умолкал ни на минуту. На улице они дошагали до угла и свернули направо. Снег закончился, но было по-прежнему очень холодно. Феликс затащил Адема в нишу у входа в какой-то подъезд.

– Слушай, парень, ну ты меня и напугал! – сказал он. – Мне померещилось, будто ты собираешься достать из кармана бабло.

– Я и правда собирался! – ответил Адем.

– Правило номер один: никогда не показывай, что у тебя есть деньги, – объяснил Феликс. – Никому! Даже мне, хотя я и твой друг.

– Сколько же всего существует правил номер один? – удивился Адем.

– Шутки в сторону! Это Правило номер один! Отвечай: в чём состоит Правило номер один?

– Никому не показывай, что у тебя есть деньги.

– Вот именно! Иначе у тебя их скоро не будет. А если не повезёт, ещё и получишь по башке или нож в спину, а это,

поверь мне, совсем ни к чему. Ты же помнишь Правило номер один – то, которое первое: скоро станет легче. Это значит не дразнить судьбу: она такого не любит. А будешь её дразнить, она ответит: «Ты сам всё испортил». Ну да ладно, у тебя есть бабло – не хочу знать, сколько именно! Не говори мне! Но сейчас прости, мне надо кое с кем поговорить!

Феликс присел на корточки, так что его рот оказался у самого живота Адема, и произнёс:

– Дружище живот! Позволь пригласить тебя на ужин!

Феликс шёл впереди Адема, и вскоре они уткнулись носом в сияющие окна ресторана. Адем не видел, что там внутри, потому что стёкла были покрыты ледяными узорами.

– Заходим? – торжественно спросил Феликс. – Да! Через главный вход? Нет!

Он потянул Адема за собой в переулок, через дверцу в воротах, ведущих в неосвещённый двор, к чёрному ходу. Они вошли в тёплую кухню. Два повара, обливаясь потом, готовили здесь еду на огне, рвавшимся из плиты высокими языками. Девочка, с виду ненамного старше Феликса, вошла в кухню с другой стороны с полными руками тарелок, салатниц и супниц. Она улыбнулась мальчикам.

– Милайка! – радостно воскликнул Феликс.

Он послал девочке воздушный поцелуй и обратился к Адему:

– Ты позволишь?

Засунув руку Адему в карман, Феликс достал оттуда монетку, показал её Адему, затем Милайке и торжественно опустил в карман девочкина передника. Милайка кивком указала ребятам на столик размером не больше шахматной доски. Поставила перед ними тарелку и ловким движением наполнила её едой, оставшейся в супнице.

Феликс с Адемом сняли куртки. Феликс протянул Адему ложку – поразительно, откуда она у него взялась. Оба уселись на табуреты и склонились над одной тарелкой.

– Давай! – сказал Феликс. – Угощайся! Приятного аппетита!

Адем зачерпнул ложкой еду – это был суп-гуляш с грибами – и положил себе в рот. Если недавно он и раздумывал, хочет ли жить, то эта ложка супа положила конец его сомнениям. Еда была... неопишимо прекрасна! Ещё прекраснее, чем кататься по скользкому снегу, чем сидеть в машине рядом с мамой, прекраснее всего, что он успел пережить за сегодняшний день. Феликс с ложкой в руке, с любопытством наблюдавший за Адемом, расхохотался, увидев восторг на лице друга.

Они сидели и ели. Картофельные шарики с овечьим сыром, кислую капусту с жареным салом, тушёные овощи с перцем, фаршированную капусту, жареный лук, клёцки – чего только они не ели! В перерывчиках между порциями еды Феликс умудрялся болтать. О счастье и как его заполучить, о своих старших сёстрах и младших братьях, о ка-

ком-то Толстяке, с которым у него назначена встреча. Адем слушал вполуха: всё его внимание сосредоточилось на еде. А еде не было конца. Всякий раз, когда тарелки начинали пустеть, у их стола появлялась Милайка и накладывала им новые вкусности.

После еды Феликс повёл Адема куда-то по узким улочкам. Вскоре перед ними выросло большое, причудливой формы здание фабрики. Оно было ярко освещено: с высоких столбов прожектора направляли лучи на каждый этаж, каждую трубу, каждый угол и каждый фасад. Мальчики обошли вокруг здания, протиснулись в щель между досками забора и прокрались к стене. Прикреплённая к кирпичной стене лестница заканчивалась как раз у них над головами. Феликс сложил руки в замок на уровне живота, так что Адем, встав на них, дотянулся коленом до нижней ступеньки. Адем начал подниматься по лестнице первым. Феликс, ловко подтянувшись, полез вверх за ним.

Они поднялись на плоскую крышу, весь центр которой занимала квадратная решётка примерно такого же размера, как спальня в приюте. По краям крыши лежал снег, но на решётке его не было.

– Воздух прямо как из духовки! – сказал Феликс, держа руку над решёткой. – Правило номер один: если задаром, то грех не воспользоваться.

Адем тоже вытянул руку. Пальцы почувствовали тепло.

Мальчики сняли куртки и разложили их на решётке. Легли на них, вытянулись во весь рост – воздух согревал ноги, спину и плечи.

– Давай останемся здесь ночевать? – предложил Адем. Здесь ему было намного спокойнее, чем в большой общей спальне с совершенно незнакомыми дядьками.

– Если бы это было возможно, я бы с радостью здесь поселился, – ответил Феликс. – Но скоро фабрику будут обходить сторожа. Обычно они нас гоняют.

Мальчики лежали плечом к плечу и смотрели в небо. Оно было тёмным-тёмным: ни звёзд, ни луны, ничего.

– А кто такой Толстяк? – спросил Адем.

Феликс приподнялся на одном локте.

– Ты меня идиотом считаешь?

– Нет, а что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.